

БУБЕНЦЫ И КОЛОКОЛЬЧИКИ СРЕДИ ПРОЧИХ ШУМЯЩИХ И УДАРНЫХ ПРИСПОСОБЛЕНИЙ В ОБИХОДЕ ДРЕВНИХ НОВГОРОДЦЕВ

Открытие какого-либо звукообразующего приспособления, имевшего место в ранней истории Новгорода, сопряжено с выявлением его конструктивной идеи. Нередко общая конструктивная идея бралась в основу различных по форме, материалу и предназначению звучащих предметов. Поэтому, прежде чем представить в быту древних новгородцев разновидности колокольчиков и бубенцов, необходимо хотя бы вкратце упомянуть о конструктивно родственных им устройствах. К таковым относятся различные типы шумовых и ударных инструментов. Приводим свидетельства, собранные в старой части Новгорода за период с 1932 г. до конца сезона археологических раскопок 2002 г.

Деревянные *колотушки ночного сторожа*. Для одной их разновидностей, *колотахи*,¹ характерен привязанный на шнуре свилеватый шарик, который, ударяясь о лопасть лопаты с короткой ручкой, издает щелкающий звук (Табл. 1, 1—2). Отсюда у такой колотушки второе наименование — *щелкотуха*.² Деталь данного приспособления — лопатка с короткой ручкой найдена в слое XIII в.³ Деревянный шарик с ушком, *бильце* (шар-ударник), археологически прослеживается в напластованиях X—XIV вв. В разных концах Новгорода собрано не менее 24 деревянных билец. Из них половина приходится на период XI столетия. (Примечание: какое-то число билец могло использоваться также в качестве наверхия *воцаги* — короткого бича с деревянным шариком, которым всадник на поле брани при подаче сигналов ударял в бубен. Кроме того, изредка находимые при раскопках бильца маленького размера, возможно, составляли комплект младенческих погремушек.)

Другие сторожевые колотушки состоят из набора скрепленных шнуром дощечек, которые при встряхивании, ударяясь одна о другую, издаются треск; одна дощечка — главная — снабжена держалкой, ручкой, похожа на лопаточку (Табл. 1, 3). Это так называемые *лопаточные трещотки*.⁴ Четырнадцать их свидетельств выявлено в Людином, Перевском и Славенском концах Новгорода в слоях XI—XIII вв.

В обиходе древних новгородцев использовались ударные инструменты типа деревянного или железного *била*, а также *бубна*. От приспособлений такого рода в слоях X—XV вв. найдено не менее 50 свидетельств; опять-таки примечательно, что почти половина их приходится

¹ Новгородский областной словарь / Авт.-сост. А. В. Клевцова, В. П. Строгова; Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1993. Вып. 4. С. 91—92.

² Материалы фольклорных экспедиций 1992 г. Новгородского центра музыкальных древностей.

³ Поветкин В. И. Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Открытия 1993 г. // НИЗ. Новгород, 1994. С. 139—143. Табл. 2, 2.

⁴ Поветкин В. И. Открытие трещоток новгородских (Из опыта восстановительных работ) // ПКНО, 2000. М., 2001. С. 160—166.

Таблица 1

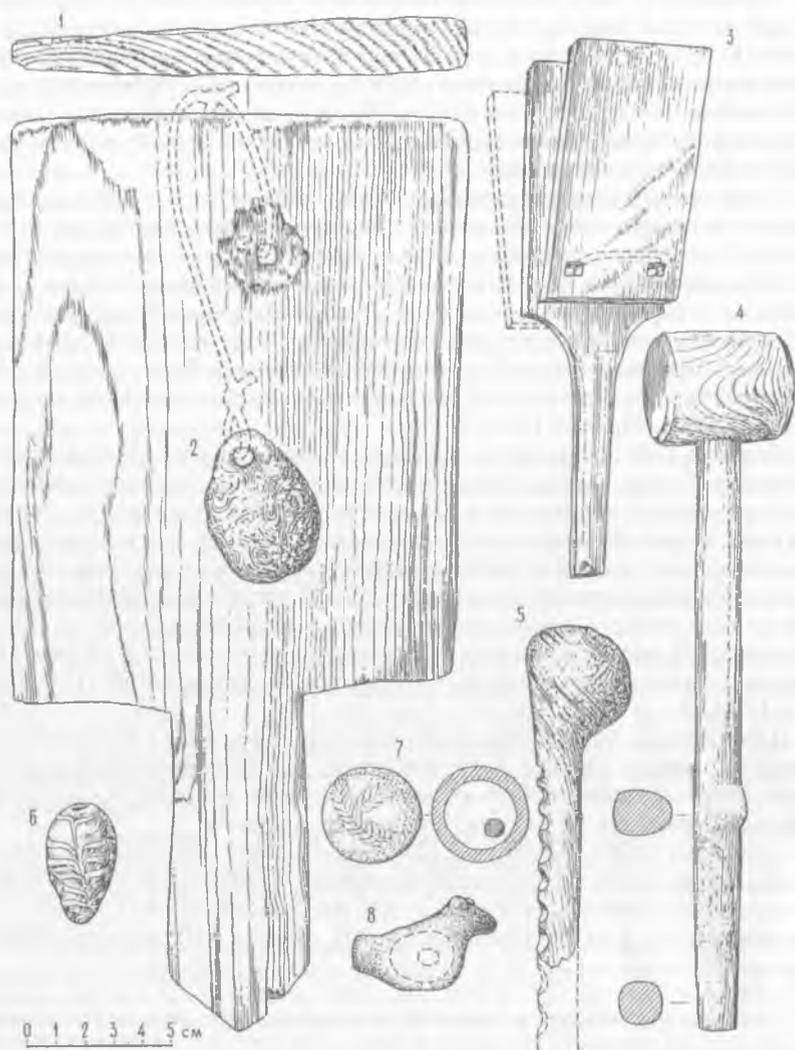

Таблица 1. Шумовые и ударные приспособления, игрушки:

- 1 — деталь колотушки сторожа, ель, в. п. XIII в. (Неревский раскоп — 13-1064);
 2 — бильце колотушки сторожа, береза, сер. X в. (Троицкий раскоп — 23-сев. тр.);
 3 — лопаточные трещотки, ель, н. XII в. (Тр. — 11-1065);
 4 — колотушка бубна, дуб, в. п. XI в. (Тр. — 15-1435);
 5 — молоток блюда (?), ясень, п. п. X в. (Тр. — 17-1085);
 6 — погремушка яйцевидная, глина, п. п. XIII в. (Тр. — 8-1625);
 7 — погремушка-шарик, глина, руб. XIV—XV вв. (Путный раскоп — 10-143);
 8 — погремушка-птичка, глина, кон. XIV в. (Тр. — 3-1188).

на XI в. Это различные по величине колотушки, редко целые, чаще с обломанной рукоятью и свилеватым природным набалдашником (Табл. 1, 4), иногда наверху, похожим на молоток. Изысканный по форме ясенивый молоток извлечен из материкового слоя первой половины X в. (Табл. 1, 5). Предполагалось, что в быту насельников Новгорода до официального принятия христианства на Руси этим молотком могли ударять в *блюдо*. Однако письменные источники обнаруживают блюдо только среди принадлежностей церкви, где в него в начале трапезы ударили «тришды лжицею великою».⁵

Блюдо сигнальное упоминается в документе 1130 г. — жалованной грамоте великого князя Мстислава и сына его Всеволода Юрьсву монастырю (близ Новгорода): «А се я Всеволодъ даль есмь блюдо серебряно, в 30 гривнъ серебра, святому же Георгиеви; велелъ есмь бити въ не на обеде коли игумень обедаеть».⁶ Т. е. Всеволод подарил Георгиевскому собору серебряное блюдо весом в 6 кг и велел в него бить во время обеда игумена. Функционально блюдо приравнивалось к билу, обычай ударять в которое перед трапезой или молитвою восходит едва ли не к св. Пахомию Египетскому (ум. 346 г.).⁷

Недавно Т. В. Рождественская, изучая граффити XV столетия в церкви Федора Стратилата на Ручью, обратила внимание на процарапанную среди различных надписей фигуру человека, у которого в левой руке колотушка, в правой — прямоугольная доска (северный лестничный переход, слева, над предпоследней стойкой поручня). Нет сомнений, что так был изображен пономарь, подающий сигнал в ручное деревянное било, или бильце малое. «А колокола не держать во святен Софеи, но *билицо мало* въ руке держа, клеплють на заутрени», — сообщал в «Книге Паломник» Антоний, архиепископ Новгородский, побывавший в Царьграде в 1200 г.⁸

Приведенные устройства по конструктивной мысли в большей или меньшей мере тяготеют к колокольчикам. Для бубенцов же конструктивно близкими являются глиняные погремушки: звучание тех и других зависит от наличия в их полости камушка, дробины.

К раннему типу глиняных погремушек относятся *яйцевидные*. Глазурованные, покрытые изысканной росписью, с камушком внутри и небольшим отверстием в тупом их конце или изредка сбоку (Табл. 1, б), они отмечаются в напластованиях X—XII, отчасти XIII столетий. Коли-

⁵ Поветкин В. И. Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Древнейшие находки // ННЗ. Новгород, 1995. С. 165. Табл. 1, 9—10; Макарий (Миролюбов), архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 2. С. 247—248; Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988. Т. 1. С. 241.

⁶ ГВП. № 81.

⁷ Макарова С. Е. Трубы, била и колокола как сакральные музыкальные инструменты (К символическому истолкованию «трубного гласа» и «звона») // Музыка колоколов: Сб. исследований и материалов. СПб., 1999. С. 28, примеч. 7.

⁸ Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12 столетия / С предисл. и примеч. Павла Савванитова. СПб., 1872. С. 94; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 185.

чество таких находок в Новгороде в 2002 г. достигло не менее 106 единиц.⁹ Следов местного их производства не выявлено. «Местом их изготовления, — по мнению Б. А. Рыбакова, — нужно считать или Киев, где найдены инструменты для их изготовления, или Белгород, где имеются плитки с аналогичной техникой орнаментации».¹⁰ Они обнаруживаются в древнерусских городах, поселениях, курганах, в частности у радимичей в детских погребениях. В 1909 г. К. В. Болсуновский их связывал с языческим культом.¹¹ Достоверных сведений об их предназначении не прибавилось. Они по-прежнему встречаются в детских захоронениях, как, например, две расписные погремушки второй половины XI в. в Кемском некрополе в Белозерье.¹² Остается догадываться, что, составляя предмет детской забавы, они в то же время или даже в первую очередь имели отношение к каким-то древним обрядам. Возможно, к празднику Пасхи (пасхальное яйцо с усохшими внутренностями иногда превращается в погремушку). По сходству с разукрашенными пасхальными яйцами глиняные яйцевидные погремушки в археологических источниках именуют *писанками* и не всегда останавливают на них внимание как на предметах звучащих.

Другой тип новгородских глиняных погремушек — *шарообразные*. В 2002 г. их насчитывалось не менее 8 штук (еще две случайно найдены на Городище близ Новгорода). Иногда политые глазурью, а чаще без нее, с одним, двумя, пятью отверстиями или вовсе без них (Табл. 1, 7), такие погремушки характерны для слоев XIII—XV вв., две происходят из слоев первой и второй половины XI в. Конструктивную идею они, надо полагать, унаследовали от погремушек в виде яйца.¹³

Та же идея была положена и в основу *погремушек-птичек*. Это, как правило, глазурованные игрушки с одним или двумя отверстиями (Табл. 1, 8).¹⁴ Общее число свидетельств — обломков, заготовок или целых — достигло 28. Они изредка прослеживаются в слоях XIII в., но явно преобладают в XIV столетии. В Славенском конце выявлена мастерская игрушечника.¹⁵

Соответственно глубине культурных напластований, отмечающих границы новгородской истории, можно наблюдать лишь преемство и воплощение конструктивных идей в определенных звуковых устрой-

⁹ *Поветкин В. И.* Начало источниковой базы музыкальной археологии в Великом Новгороде (музыкальные древности из раскопок А. В. Арциховского) // Новгородские археологические чтения-2. Великий Новгород, 2004. С. 118. На указанной странице сообщается о 91 яйцевидной погремушке, к этому числу следует прибавить не менее 15 свидетельств.

¹⁰ *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 362.

¹¹ Там же; *Болсуновский К. В.* Писанки как предмет языческого культа. Киев, 1909.

¹² *Макаров Н. А., Беляков А. С.* Кемский некрополь в северном Белозерье // КСИА, 1989. № 198. С. 77—79. Рис. 2, 10; 3, 32.

¹³ *Поветкин В. И.* Начало источниковой базы музыкальной археологии... С. 118. Сообщается о 4 шарообразных погремушках. По уточненным данным, их в два раза больше.

¹⁴ Там же. С. 116. К 26 указанным погремушкам-птичкам следует прибавить две.

¹⁵ *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. М.; Л., 1949. № 11. С. 131—132.

ствах. Происхождением же своим упомянутые идеи весьма часто обязаны значительно более ранним временам. Например, идея колокольчика была хорошо известна у разных народов в эпохи, на тысячелетия предшествовавшие возникновению Новгорода. Древние новгородцы, следуя общепринятым традициям использования той или иной идеи, в то же время могли приспособлять ее к условиям местного быта.

Отдельную группу в новгородских древностях составляют предметы, снабженные специальными *бренчащими, звончатыми привесками*, очень часто железными в виде *кольца*. В снаряжении всадника это была плеть, кнутовище которой завершалось подвижным железным кольцом с прикрепленными к нему обоймой для бича и *баранчиками*, т. е. коваными с закрученными концами привесками. Такие плети с деревянным кнутовищем в середине X в. были известны в Неревском конце.¹⁶ *Звяжущую плеть* как с деревянным, так и железным кнутовищем знали и обитатели Людина конца во второй половине X и на исходе XI в. (Табл. 2, 1). Железными *шумящими колечками* украшались конские *скребщицы* (Табл. 2, 2),¹⁷ *светцы* (Табл. 2, 3), пружинные *пожницы* (Табл. 2, 5), различного назначения *спицы*, или *булавки-проколки*, из которых самая выразительная была найдена М. В. Шориным на берегу Волхова в Людином конце (Табл. 2, 6). Сюда же относятся жестяные *накладки с брякающими кольцами*, предназначенные, возможно, для обивки праздничных саней (Табл. 2, 4), другие бытовые предметы со звучащими колечками, вплоть до больших дверных *ручек-колец*,¹⁸ громохая которыми, гость сообщал о своем приходе (Табл. 2, 8). Подобные предметы изготавливались и из цветных металлов, в частности, некоторые типы бронзовых *булавок*¹⁹ и изредка встречающиеся образцы шумящих *наручей* (Табл. 2, 7).²⁰

На обширных новгородских землях, а особенно в условиях города приходило взаимопроникновение отдельных элементов традиций различных народов. По мнению исследователей, среди славянских женщин имели распространение такие финские украшения-амулеты, как шумящие бронзовые подвески. Наиболее ранние из них, плоские литые иногда с целевшими звякающими пластинками, прослеживаются в Новгороде с X—XI вв. Начиная с XII в. и особенно в XIII—XIV столетиях популярными были полые подвески. Среди них одно- или двуглавые коньки, изредка уточки. По нижнему их краю располагались петельки, к которым на восьмеркообразных цепочках крепились мелкие детали в виде колокольчика или бубенчика (Табл. 2, 9). Изготавливались они способом литья по восковой модели с последующим разрушением глиняной литейной формы. О разновидностях шумящих подвесок-амуле-

¹⁶ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2. МИА, № 65. М., 1959. С. 187, 190.

¹⁷ Там же. С. 187.

¹⁸ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Там же. С. 97.

¹⁹ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 75. Рис. 26, 2, 8.

²⁰ Там же. С. 114—115. Рис. 37, 14, 18.

Таблица 2

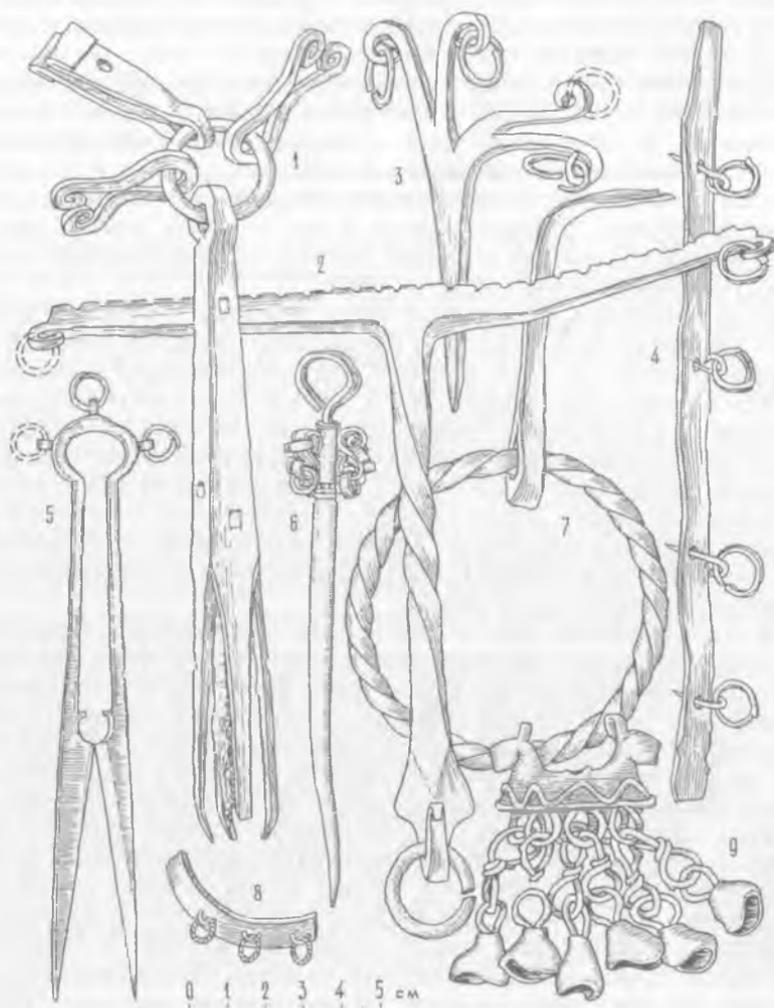

Таблица 2. Звончатые предметы древнего обихода:

- 1 — навершие плети с баранчиками, железо, в. п. X в. (Тр. — 18-1171);
 2 — конская скребница, железо, сер. XII в. (Тр. — 11-1447);
 3 — светец, железо, XII—XIV вв. (Торговый раскоп — колодез, № 172);
 4 — накладка для саней (?), железо, нач. XIII в. (Пер. — 19-1809);
 5 — пружинные ножницы, железо, X в. (Пер. — 27-31-150);
 6 — спица, железо, XI—XV вв. (ИГМ, А-94-340, КП-34232);
 7 — дверное кольцо-ручка, железо, XIII в. (Пер. — 11-18-162);
 8 — обломок наруча, бронза, XII—XIII вв. (случайная находка, ИГМ, А-81);
 9 — шумящая подвеска, бронза, в. п. XIV в. (Никитский раскоп — 22-24).

тов сообщала М. В. Седова.²¹ В разных концах Новгорода за все годы раскопок до 2002 г. включительно собрано не менее 130 таких свидетельств. Вне древнего миропонимания трудно вполне осознать, почему столь негромким звучащим приспособлениям присваивалась огромная ограждающая человека от недобрых духов роль.

Бубенчики. Среди звучащих приспособлений древних новгородцев значительное место занимали изготавливавшиеся из медных сплавов бубенчики. Согласно древнерусским письменным источникам, они наравне с колокольчиками имели общее название — *звонцы*. Как и подавляющее большинство хозяйственно-сигнальных и собственно музыкальных орудий, бубенцы-звонцы сами по себе или в составе всевозможных шумящих подвесок наделялись оберегающей сущностью. Использоваться могли по-разному.

Одни бубенчики, в частности литые граненые (грушеобразные) с крестовидной прорезью, входили в комплекты ожерелий, поясных или нагрудных подвесок. Они, вероятно, являлись звучащим украшением одежды новгородских женщин, детей, причем в большей мере чудского (финского), в меньшей — славянского происхождения. Это подтверждают наборы вещей с шумящими подвесками и бубенцами, чаще всего финские, в курганных захоронениях, обследованных на пространствах Новгородской земли. Яркий пример — Залахтовский курганный могильник возле Чудского озера.²² Какая-то разновидность бубенцов могла использоваться в составе бубна и одеяния чудских кудесников (шаманов), упоминаемых в летописи.

Другие бубенчики, надо полагать, более употреблялись славянами. Изредка встречаемые при раскопках золоченые бубенчики, вероятнее всего, служили украшением подола ризы христианского священника (архиерея). «На красьбу ризе звоньця», — говорится в Майской служебной минее (Пуятиной) XI столетия, происходящей из Софийской библиотеки.²³ Красномедные гладкие паяные из верхнего и нижнего тисенных полушарий бубенчики могли пришиваться к одежде новгородских женщин в качестве пуговиц. Об этом позволяют думать традиционные образцы сарафанов XIX в. Таков сарафан из Поддорского района Новгородской губернии — «ферязь» с чередой позвякивающих шарообразных пуговок-бубенцов, именовавшихся «глухарями»²⁴ (в противоположность колокольчикам, снизу открытым). Кстати, в названном районе «глухарьки» — это повешенные на жердь металлические шарики, звенящие при дуновении ветра.²⁵ В свою очередь «шарочки», «шаркунки» в Новгородском крае — это бубенчики на сбруе лошади.²⁶ Для пуговок-глухарей, обычно не имевших долевых прорезей, но снабжавшихся мелкими боковыми отверстиями, «глазками», характерен, воз-

²¹ Там же. С. 28—35.

²² Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли. СПб., 2004.

²³ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1, ч. 2. С. 964.

²⁴ Русский народный костюм: Альбом / Авт.-сост. Л. Ефимова. М., 1989. С. 64—65. Ил. 50—51.

²⁵ Новгородский областной словарь... Новгород, 1992. Вып. 2. С. 16.

²⁶ Новгородский областной словарь... Новгород, 1995. Вып. 12. С. 81—82.

можно, вынесенный из древности способ изготовления — посредством пайки верхней и нижней тисненых половинок. Наряду с сарафанами и другими видами одежды подобными бубенцами украшались кисти узорных поясов. По документам конца XVIII в., на праздничных женских свитках — верхних суконных одеждах — «от воротника висят две покрочки <...> вышитыя бисером, а на концах с *ширкунцами или бубенчиками*».²⁷ Память о древних звучащих пуговицах сохранялась на Русском Севере в старинах:

Он [Дюк Степанович] прогладил-то ведь ище по пуговкам —
Кабы кажная пуговка *запела* разным голосом.²⁸

Согласно письменным свидетельствам XIV—XV вв., какие-то разновидности бубенчиков привязывались к ногам ловчих птиц, отсюда их название — бубен соколий. «А Ивашка Перфурова товару <...> четыре щиты, да два *бубна соколы*».²⁹ А какие-то бубенчики-звонцы составляли праздничное убранство конской сбруи. «Юноша сяде на конь свой <...> *звонцы* же его доброгласныи начаша прегудать», — сказано в древнерусской повести XI—XII вв. «Девгениево деяние».³⁰

В древнем Новгороде, как в Западной Европе, колпаки скоморохов могли завершаться бубенцами. Один или несколько бубенчиков могли крепиться к рукояти лопаточных трещоток. Наконец, набор бубенчиков мог звучать в хоре (ансамбле) с сопелью, гусями, гудком или варганом. Всем таким предположениям найдется поддержка как в западноевропейских средневековых изображениях, так и в русских лубочных картинках, натурных зарисовках и материалах этнографических экспедиций XVIII—XX вв.

С точки зрения современного концертного музицирования может показаться, что бубенчики в звуковом мире древнего Новгорода выполняли не более чем второстепенную роль, пусть и широкую — от обыденного звучащего украшения до участия во время праздников в хоре с основными гудебными сосудами, т. е. музыкальными инструментами. Однако в традиционном народном представлении для каждого звукоизвлекающего приспособления находилась присущая только ему — первостепенная роль. Отсюда границы музыкально озвученного мира, мира волшебного, растворялись далеко за пределами собственно музицирования. Не случайно в одном из вариантов старины про Дюка Степановича опять-таки по поводу звучащих пуговиц прямо сказано:

Как поведет он да по пуговкам,
Как пойдут разные да ведь *музыки*,
Тут молодцы, девыцы да скачут...³¹

Чудо звучащего мира равно переживалось в будни и праздники. Все в том же «Девгениевом деянии» о незамысловатых с виду бубенцах чи-

²⁷ Словарь русского языка XVIII века. Л., 1985. Вып. 2. С. 152.

²⁸ Былины Печоры // Свод русского фольклора. СПб.; М., 2001. Т. 2. С. 395.

²⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1. С. 343.

³⁰ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1992. Вып. 18. С. 171.

³¹ Онсжские былины // Летописи / Ред. Ю. М. Соколова. М., 1948. Кн. 13. С. 158.

таем: «Конь белъ, яко голубь, а въ гриве его учинены многие звонцы — отъ прегудания и умь человеческий не можегь смыслить».³² Это ли не высшая оценка для самой изысканной игры на благороднейшем из музыкальных инструментов!

Вот почему так полезно разобраться в многообразии древних бубенцов, понять их значение не только как украшений и объектов священных, но и как приспособлений, специально созданных для извлечения звуков, без которых представление о звучащем, равно музыкальном, мире древнего Новгорода не будет полным.

Было бы важно все разнообразие открываемых в Новгороде бубенчиков типологически распределить по группам, взяв за основу, например, их различное использование в обиходе древних новгородцев. Скажем, мелкие бубенчики отнести к пуговицам и другим украшениям одежды, а крупные — к конской упряжи. И сразу же возникнут сомнения: а только ли крупные бубенцы составляли конскую упряжь? К сожалению, приведенные выше сведения о месте и роли бубенчиков в русском быту лишь предположительно могут соотнестись с некоторыми археологическими образцами. Тут сказывается еще и специфика места проведения раскопок: если, к примеру, в курганном захоронении бубенцы своим расположением дают понять, как они использовались, то в точности такие же их образцы при исследовании городских напластований, приобретаю статус «кем-то в древности оброненных», чаще всего «молчат». Попытаемся найти другие возможности к разделению древних новгородских бубенчиков на типы.

Первые открытия бубенчиков в Великом Новгороде пришлось на 1951 г. Они стали обнаруживаться по мере углубления археологов в культурные напластования сначала на участках древнего Неревского конца, затем в других местах раскопок в старой части города. Образцы X—XV вв. показали, что способы изготовления, размеры, формы и украшения бубенчиков в разные периоды новгородской истории не были одинаковы. Возникла естественная мысль: обнаружить закономерность таких изменений и использовать бубенчики как датирующие объекты для характеристики конкретного раскапываемого слоя. Это требовалось и для того, чтобы упорядочить паспортизацию подобных находок в полевой практике не только в Новгороде, а и на пространствах Древней Руси.

В 1963 г. Н. В. Рындина, изучая технологию производства новгородских ювелиров, впервые классифицировала собранные к тому времени бубенчики. Она поделила их на четыре типа, из которых первые три, согласно ее определению, отливались по восковой модели с сохранением двусторонних форм. Четвертый тип — это бубенчики, которые спаивались из двух тисненых половинок.³³

³² Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 357.

³³ Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. // Новые методы в археологии. МИА, № 117. М., 1963. С. 244—247, 259; Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. С. 257.

В опубликованной в 1981 г. книге «Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)» М. В. Седова подвергла анализу 204 бубенчика, которые были найдены в Новгороде в 1951—1974 гг. При этом она представила иной вариант классификации бубенчиков, не всегда учитывающий технологические особенности их производства. В третьем и четвертом типах перемешались бубенчики литые и тисненые.³⁴ По этой причине их хронология становится расплывчатой. Смещаются и количественные соотношения в группах.

Кроме того, в данном типологическом делении в качестве четвертого типа представлены бубенчики *грушевидные с линейной прорезью и поперечным литейным швом*, о которых не упоминается в типологии Н. В. Рындиной. В целом, как потом выяснится, и в первом, и втором типологических вариантах не остается места многим разновидностям бубенцов, особенно из числа тисненых. Следовательно, оба типологических варианта при их несомненных положительных качествах нуждаются в дополнениях и доработке, что в итоге должно привести к созданию нового варианта типологического деления новгородских бубенцов. Необходимость осуществления такой работы связана с открытием новых археологических свидетельств. Она назрела еще и по той причине, что в отчетах археологов не наблюдается единого подхода к оценке бубенчиков, ежегодно открываемых в разных местах раскопок. В публикациях встречаются такие определения, как просто «бубенчик», которые сводят к нулю информативную ценность находки.

С 1975 по 2002 г. в Новгороде обнаружено в виде обломков или целиком не менее 177 бубенчиков. При этом отходы древнего производства сообщают еще примерно о 32 бубенчиках сделанных, хотя и не найденных. Значит, можно говорить о 209 свидетельствах.

До сих пор, как указывалось, исследователями были отмечены два способа изготовления открытых в Новгороде бубенчиков. Первый способ — это литье по восковой модели с сохранением двусторонней глиняной формы. Согласно другому — бубенчики паялись из двух тисненых половинок. Недавно был выявлен третий способ — литье по восковой модели, но с потерей формы.³⁵ Отсюда предлагается новое разделение бубенчиков на типы — в трех основных технологических традициях их производства и, разумеется, в соответствии с их наблюдаемыми внешними признаками. Здесь очевидна и обратная связь: способы производства узнаются в той мере, в какой этому способствуют результаты визуального изучения форм бубенцов.

Но прежде отметим исключительную разновидность бубенчиков. **Литые** — *округлые четырехлепестковые (крестпрорезные)* — в большей или меньшей мере шаровидные, иногда граненые со скругленными углами. Нижние их лепестки нередко украшались пересекающимися в уголках тонкими насечками. Прослеживаются в курганных и прочих захоронениях, поселениях вне Новгорода, чаще в финно-угорских древ-

³⁴ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). С. 156—157.

³⁵ Поветкин В. И. Инструментальные музыкальные древности, открытые в Великом Новгороде в 2003 г. // НИЗ. Великий Новгород, 2004. С. 80—83.

ностях уже в VIII—XI вв.³⁶ Один образец случайно найден на Городище у истоков Волхова; хранится в Новгородском музее-заповеднике. Нижняя граница времени их бытования более ранняя, нежели бубенчиков, находимых в Новгороде. Здесь известно лишь два образца, найденных в 1956 и 1959 гг. на Неревском раскопе в слоях довольно поздних — второй половины XII в. (Неревский раскоп — 15-20-1167; 21-1707/1708, яма). Бубенчики этой группы изготавливались с высоким мастерством, вероятно, для конской сбруи по заказу знатных лиц. После отливки они искусно дорабатывались, выглаживались, в итоге на их поверхности исчезали признаки, указывающие на способ литья: по двум формам, например, или одной. Вследствие указанных причин оставляем подобные бубенчики за пределами нашего типологического деления (по крайней мере, до специального их обследования).

Находки периода археологических раскопок 1975—2002 гг. рассмотрим в трех основных технологических традициях, или, пользуясь терминологией Л. А. Голубевой,³⁷ группах. Группы поделим на типы. Типы по мере надобности — на варианты.

1. Бубенчики двухчастнолитые (литые с использованием двух симметричных половин разъемной формы). Наблюдаемый технологический признак — наличие следов вертикального литейного шва между двумя половинками. По морфологическим признакам делятся на типы:

А — граненые крестопорезные (грушевидные) — снизу, как правило, украшались изящной параллельной насечкой (Табл. 3, 1—6). Подобные бубенчики с Неревского раскопа, согласно исследованию А. А. Коновалова, изготавливались из свинцово-оловянной и оловянной бронзы — сплавов, характерных для Новгорода, а также из многокомпонентного сплава V типа с преобладанием цинка, вероятно, новгородского происхождения.³⁸ Прослеживаются в слоях конца X в. — 1 экз., XI в. — 17 экз., начала и конца XII в. — 2 экз. Итого 20 бубенчиков X—XII столетий. Время их активного использования в быту новгородцев — XI в. Среди них редкое исключение составляют бубенчики, у которых грани сильно скруглены, поэтому таковые отчасти сходны с бубенчиками рассмотренной выше разновидности;

Б — округлые продольнопорезные:

— с *тройной опояской* — найдено в слоях XII в. — 9 экз., XIII в. — 9 экз. Итого — 18. Бытовали от середины XII в. до второй половины XIII в. Подобные образцы с Неревского раскопа были отлиты из свинцово-оловянной бронзы.³⁹ Различимы две подгруппы: в первой — подав-

³⁶ Голубева Л. А. Прибалтийские финны. Весь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М., 1987. С. 58. Табл. XVII, 29; Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Там же. С. 174. Табл. LXXI, 17; С. 177. Табл. LXXII, 7.

³⁷ Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. 1979. Вып. Е1-59. С. 10.

³⁸ Коновалов А. А. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X—XV вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. Раздел: Привески-бубенчики.

³⁹ Там же.

Таблица 3

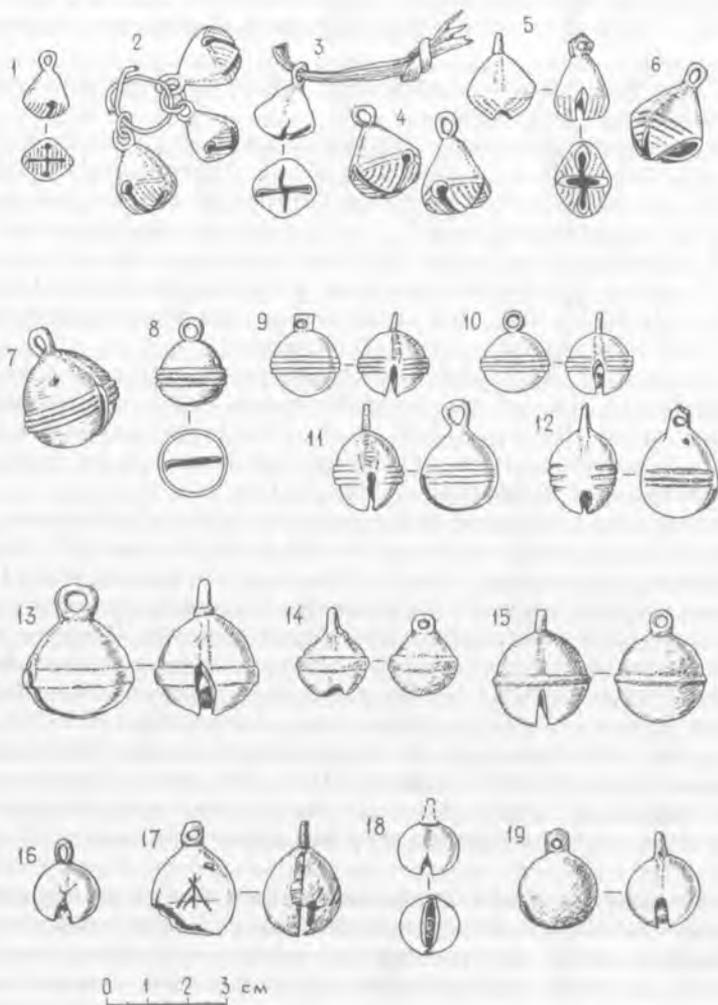

Таблица 3. Бубенчики бронзовые — двухчастнолитые:

1-А — граненые крестопорезные (грушевидные), к. X—к. XII вв.: 1 — Тр.-17-757; 2 — Тр. — 16-684, часть амулета; 3 — Тр. — 15-1398; 4 — Тр. — 17-1314, два экз.; 5 — Тр. — 9-1281; 6 — Ф — 17-413.

1-Б — округлые продольнопорезные: с тройной опояской, с. XII—в. п. XIII в. 7 — Тр. — 16-460; 8 — Тр. — 12-331; 9 — Тр. — 8-713; 10 — Тр. — 12-769; 11 — Тр. — 6-1352; 12 — Тр. — 11-106; с одинарной опояской, н. XII—к. XIII в.: 13 — Тр. — 9-774; 14 — Тр. — 14-1225; 15 — Тр. — 10-316; без опояски, с. XII—с. XIV вв.: 16 — Ф — 18-254; 17 — Тр. — 4-758; 18 — Тр. — 4-957; 19 — Ф — 18-10.

ляющее большинство образцов, у которых тройной поясок обозначен *выпуклыми дорожками* (Табл. 3, 7—11). Во второй — очень редкие бубенчики, у которых тройной поясок образован *вдавленными дорожками* (Табл. 3, 12);

— с *двойной опояской* — крайняя редкость. В рассматриваемый период раскопок не встречались;

— с *одинарной опояской* — обнаружено в слоях от начала XII в. — 3 экз., до конца XIII в. — 2 экз. Всего — 5. Характерные образцы — крупные, слегка сплюснутые с боков, грубоватой выделки, со следами доработки напильником (Табл. 3, 13—15). Обычно в них громыхает дробина из медного сплава. В один бубенчик при его изготовлении в начале XII в. был вложен увесистый камушек, возможно, кварцевый (Нутный раскоп — 21-27-57, № 3). Некоторые образцы по форме и качеству выделки близки бубенчикам с тройной опояской;

— *без опояски* — обнаружено в слоях середины XII в. — 2 экз., второй половины XIII в. — 5 экз., второй половины XIV в. — 1 экз. (вероятно, из перекопа). Итого — 8 (Табл. 3, 16—19). По сути все их формы узнаются в бубенчиках с тройной и одинарной опоясками. Не случайно и основное время их бытования — XII—XIII вв.

В целом технологическая традиция, свойственная бубенчикам *двухчастнолитым*, прослеживается в новгородской истории в X—XIII вв. По морфологическим признакам бубенчики делятся на два типа: **1-А** — *гранные крестопорезные*, исполненные в высоком художественном стиле, в пределах Новгорода они наиболее древние. XI век — время их преобладания. Вне Новгорода характерны для финских погребений, в особенности детских;⁴⁰ **1-Б** — *округлые продольнопорезные*, бытовали в Новгороде в XII—XIII вв., кроме одного экземпляра XIV (?) в. Среди них разновидность с *тройной опояской* наиболее показательна — от середины XII до второй половины XIII в. Все они в обиходе новгородцев пришли на смену *гранным крестопорезным*. За пределами Новгорода отмечаются в финно-угорских древностях, иногда довольно рано.⁴¹

2. Бубенчики тисненые (паянные мягким или твердым припоем из верхней и нижней тисненых половинок). Наблюдаемые технологические признаки — наличие горизонтального открытого или закрытого паяного шва между верхней и нижней половинками; гладкая поверхность тисненых половинок; вставные со следами припоя ушки. По морфологическим признакам делятся на группы:

А — *шаровидные (разнопорезные)*:

— основная разновидность — с прорезью-двоглазкой;

⁴⁰ Седов В. В. Прибалтийские финны. Водь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М., 1987. С. 38. Табл. X, 12; Башенькин А. Н. Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 77—81. Рис. 2; Хвоцницкая Н. В. Финны на западе Новгородской земли... С. 78, 130, 134, 135, 139. Таблицы.

⁴¹ Розенфельдт Р. Л. Прикамские финны. Коми-зырянские племена IX—XI вв. Вымская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М., 1987. С. 129. Табл. LVII, 18; С. 150—151. Табл. LXIII, 25.

— редкие варианты — с прорезью-крестоглазкой; с долевой прорезью и парой боковых глазков; с четырьмя глазками; с двумя глазками; без глазков и прорезей; приплюснутые.

Характернейшим материалом для их изготовления служила тонкая листовая красная медь. Такие же бубенчики с Неревского раскопа, по определению А. А. Коновалова, изготавливались из «чистой» меди (88 %).⁴² Обычно маленькие, пригодные быть пуговицами, диаметром от 8 до 14, редко 18 мм. Свидетельств таких бубенчиков обнаружено: в слоях XII в. — 94, XIII в. — 31, начала XIV в. — 1. Итого — 126. Из них 32 — это примерное количество бубенчиков не найденных, но исчисляемых из отходов производства XII в. Особенно активно бытовали в период от первой половины XII до середины XIII в. (Табл. 4, 1—13). Чаще встречаются бубенчики *продольнопрорезные*, т. е. с *тонкой долевой прорезью, в окончаниях снабженной отверстиями* (Табл. 4, 2, 8). Остальные разновидности единичны или очень редки. Большое количество образцов обнаружено вместе с отходами и инструментами мастерской по производству бубенчиков в Людином конце в слоях первой половины—третьей четверти XII в. (Табл. 4, 4—7, 10, 11). Данный комплекс содержит 44 бубенчика целых и половинок, а также 14 красно-медных с округлыми вырезами пластин, из которых было изготовлено не менее 27 бубенчиков (Табл. 4, 1). Здесь же обнаружены куски проволоки и инструменты — пуансон-скачек для нарубки круглых пластин и чекан для тиснения половинок бубенчиков.⁴³ Разброс свидетельств данного комплекса необычайно широк. Вероятным его продолжением была точно такая же, как 14 предыдущих, медная с вырезами пластина, из которой древний мастерской сделал примерно 5 бубенцов (Троицкий раскоп III — 18-135). Включаем эту, пятнадцатую, пластину в означенный комплекс, хотя слой ее залегания соответствует XI в.: учтем, что при устройстве здесь на береговом склоне в XVI в. Малого земляного города слои перекапывались. Находки бубенчиков показывают, что в процессе производства в верхней их половинке изнутри пробивалось отверстие, в него снаружи вставлялось проволочное ушко, кончики которого опять-таки изнутри развдвигались, чтобы ушко не выпало (Табл. 4, 11). В нижней половинке сверлилось или пробивалось обычно два боковых глазка диаметром 1—2 мм (данная операция иногда осуществлялась и на конечном этапе производства, после пайки). Затем края обеих половинок подравнивались на оселке и вплотную подгонялись одна к другой. В верхней половинке закреплялось ушко посредством припоя. По правилам данной мастерской в изготавливаемый бубенчик довольно часто вставляли камушек, который в ряде случаев со временем разрушался, и бубенчик переставал звенеть. В некоторых бубенцах уже изначально не предполагалось дробинки: возможно, это были взаимоударяющиеся звонцы, крепившиеся к подолу ризы священника. Когда

⁴² Коновалов А. А. Цветной металл (медь и ее сплавы)... Раздел: Привески-бубенчики.

⁴³ Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII века. М., 1981. С. 129—135; Колчин Б. А. Ремесло // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. М., 1985. С. 261, 264. Табл. 107, 16, 17.

Таблица 4

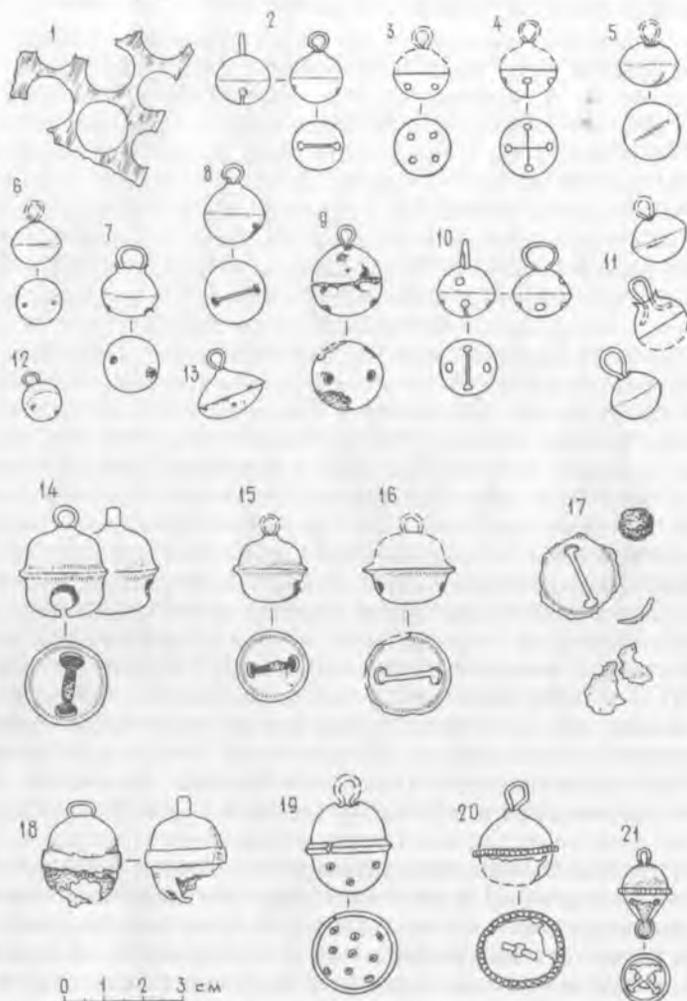

Таблица 4. Бубенчики медные и латунные — тиспеные:

2-А — шаровидные. н. XII—н. XIV вв.: 1 — Тр. — 16-254, № 8; 2 — Тр. — 16-1256; 3 — Тр. — 14-111; 4 — Тр. — 14-251; 5 — Тр. — 17-170; 6 — Тр. — 16-254, № 88; 7 — Тр. — 15-243; 8 — Тр. — 9-604; 9 — Тр. — 11-365; 10 — Тр. — 16-482; 11 — Тр. — 16-255, три экз.; 12 — Дуб. — 28-21; 13 — Тр. — 7-1066;

2-Б — бочонкообразные. п. п. XIII—в. п. XIV в.: 14 — Тр. — 5-372; 15 — Тр. — 7-539; 16 — Дуб. — 26-28; 17 — Тр. — 3-883;

2-В — особые / с накладным пояском. п. п. XIII—п. п. XIV в.: 18 — Тр. — 8-1445; 19 — Дуб. — 27-2; 20 — Тр. — 8-292; 21 — Тр. — 1-831.

дробина или камушек был вставлен, тем же припоем спаивались половинки. Наконец, между двумя боковыми глазками в нижней половинке бубенчика делался тонкий пропил, иначе — долевая прорезь. Неоконченный пропил показан у бубенчика, не снабженного какими-либо отверстиями (Табл. 4, 5). Поэтому о бубенчиках с парой отверстий-глазков или без таковых можно предполагать, что они в условиях рассмотренной мастерской оказались незавершенными. Очевидно также, что часть из них неумелой выделки, вероятно, это ученические работы. В подобной мастерской, кстати, делались и тисненые пуговички, похожие на бубенцы, только без дробинки и прорезей. Нельзя исключать и той вероятности, что почти все разнообразие легких, гладких бубенчиков, отнесенных к данной типологической группе, — это бубенцы-пуговки: потому их так много. Значит, и по этой причине они не случайно оказались в одной группе.

Н. В. Рындина заметила: «...если другие типы бубенчиков распространены в массовом количестве среди всех славянских и чудских племен, то тисненые бубенчики с линейной прорезью неизвестны почти нигде, кроме Новгорода».⁴⁴ Замечание по сути верно, хотя в настоящее время выявляется очень важный факт: разновидности тисненых бубенчиков, пусть не так часто, как в Новгороде, но встречаются в комплексах с преобладанием или очевидным присутствием славянских вещей — в Новоградке,⁴⁵ Мстиславле,⁴⁶ Старой Рязани,⁴⁷ Суздале⁴⁸ на селище Лебедка в Земле вятичей.⁴⁹ В Пскове помимо обсуждаемых образцов обнаружены еще и бубенчики из группы 2-Б, о которых далее пойдет речь.⁵⁰

Б — бочонкообразные (крупнопрорезные, или с большой прорезью-двоглазкой). Найдено в Новгороде в слоях первой половины и середины XIII в. — 2 экз., XIV в. — 10 экз. Итого — 12. Изготавливались из желтых или золотисто-желтых листов медного сплава, вероятнее всего, латуни (Табл. 4, 14—17). Сравнительно крупные — диаметром 15—22 мм. Большинству бубенчиков присуща широкая долевая прорезь, в окончаниях снабженная большими глазками — диаметр 4—7 мм. Ушкогнулось обычно из полосы той же листовой латуни, в единичном случае — из проволоки. Вставлялось и закреплялось оно по известной схеме в верхней половинке. Тисненые половинки снабжались плавно отогнутым по окружности бортиком, вследствие чего после пайки у бу-

⁴⁴ Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров... С. 247.

⁴⁵ Гуревич Ф. Д. Древний Новоградок. Л., 1981. С. 91, 96. Рис. 71, 5; 76, 2.

⁴⁶ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980. С. 176. Рис. 26, 3.

⁴⁷ Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969) // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 68. Рис. 44, 4. Нижнюю половинку тисненого крестопорезного бубенчика автор атрибутировал ошибочно: «Полусферическая нашивная бляшка с крестовидной прорезью»; Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. С. 150, 182, 203, 379, 435. Табл. 12, 10; 49, 17; 89, 8; 146, 5; 151, 3.

⁴⁸ Седова М. В., Бельская Д. А. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. М., 1981. С. 112. Рис. 4, 19.

⁴⁹ Никольская Т. Н. Земля вятичей. М., 1981. С. 53. Рис. 21, 10.

⁵⁰ Королева Э. В. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Псков, 1996. Вып. 3, т. 1. С. 283, 296. Табл. VII, 16; XXV, 8—10.

бубенчика образовывался упругий поясок. Поясок наполировался, паяный шов получался едва заметным и оставался открытым. Вместе с обломками одного бубенчика уцелела железная дробина-шарик диаметром не менее 8 мм (Табл. 4, 17).

В — *особые*, или с *накладным пояском (разнопрорезные)*. У таких бубенчиков, выкраивавшихся из золотистых или желтых листов, вероятнее всего, латуни, паяный шов скрыт под разнообразностью накладного пояска. За период с 1975 по 2002 г. собрано 4 экземпляра. Один с широким пояском из слоя первой половины XIII в. (Табл. 4, 18). Другой с узеньким пояском, имитирующим зернь, относится к первой половине XIV в. (Табл. 4, 20). Необычен бубенчик XIII в. с уголковым в сечении пояском и девятью мелкими отверстиями в нижней его половине (Табл. 4, 19). Наконец, вообще из общего ряда выпадает маленький бубенчик-звонец с крестообразной прорезью, снабженной в окончаниях глазками. При этом нисходящая на конус нижняя половинка завершается крохотным крестопорезным полым шариком (Табл. 4, 21). Бубенчик был выполнен с исключительным мастерством. На нем видны остатки позолоты, и можно уверенно предполагать, что во второй половине XIII в. он украшал блеском и звоном ризу архиерея.

В целом, технологическая традиция, обосновавшая производство **тисненых** бубенчиков, отмечается в XII—XIV вв. Но при этом бубенчики группы **2-А** — *шаровидные*, бытовавшие в основном в XII и меньшей мере XIII—XIV вв., предшествуют типам бубенцов **2-Б** — *бочонкообразным* и **2-В** — *особым*, которые характерны для XIII, а особенно XIV вв. Между означенными типами имелось очевидное различие: шаровидные бубенчики изготавливались из красной листовой меди, а последующие — из листов желтого или золотистого оттенка, свойственного латуни.

3. Бубенчики единостнолитые (литые по восковой модели с потерей единостной, цельной, глиняной формы). Наблюдаемые технологические признаки: полное отсутствие как снаружи, так и изнутри следов литейного шва (или линии разъема форм); наличие остатка (неопиленного излома) литника, присоединявшегося, как правило, к ушку; поверхность после отливки слегка шероховатая, матовая, без следов механической доработки. По художественным признакам вне Новгорода обнаруживают некоторое разнообразие, в Новгороде составляют один тип:

А — *со жгутиком-опояской (продольнопрорезные)*. Всего известно 16 экземпляров. Из них один — конца XIII в., другой — рубежа XIII—XIV вв., остальные почти все обнаружены в слоях от середины до конца XIV в. (Табл. 5, 1—4). А. А. Коновалов, именуя подобные находки привесками-бубенчиками с линейной прорезью и рельефным валиком в средней части тулова, определил, что они отливались в основном из оловянной бронзы, редко из свинцово-оловянного сплава.⁵¹ Считалось, что у бубенчиков данной разновидности посередине их высоты высту-

⁵¹ Коновалов А. А. Цветной металл (медь и ее сплавы)... Раздел: Привески-бубенчки.

Таблица 5

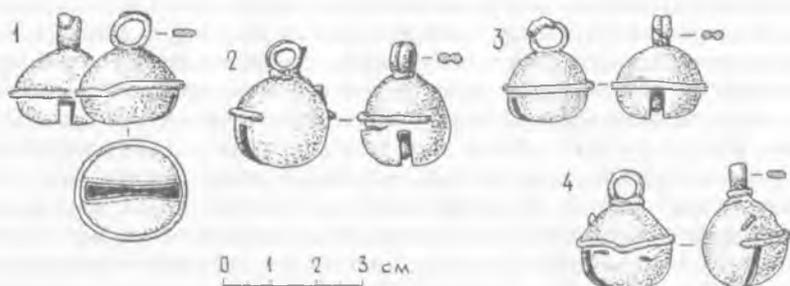

Таблица 5. Бубенчики бронзовые — одночастнолитые:

3-А — со жгутиком-опояской, к. XIII—к. XIV в.: 1 — Нут. — 16-38; 2 — Ф — кв. 172, № 22; 3 — Тр. — 4-1440; 4 — тр. — 5-1213, № 1.

пает грубый поперечный литейный шов.⁵² Однако это не шов между верхней и нижней половинками, а украшение и одновременно жесткость в виде жгутика-опояски поверх цельного корпуса бубенчика. Особенно наглядны образцы, у которых опояска не полная: на свободной части корпуса нет следов стыковки двух половинок, их и не могло быть (Табл. 5, 2, 4). Технология изготовления этих бубенчиков по существу такая же, какая была у полых шумящих подвесок-амулетов. (Для отливки последних, кстати, также применялись оловянистая и свинцово-оловянистая бронзы.)⁵³ Прибавились лишь незначительные операции, диктуемые формой полого с дробинкой бубенца. Учитывая наработки предыдущих исследователей на тему древних литейных технологий, представляем вкратце способ производства рассматриваемых бубенчиков.

Из песка и глины лепился, пользуясь языком литейщиков, стержень, или болван, т. е. временная форма внутренней части бубенчика с заранее вставленным в нее камушком или металлической дробинкой. Стержень равномерно, вероятно, неоднократным погружением его в расплавленный воск, покрывался восковым слоем на толщину стенок бубенчика. При изготовлении ушка в одних случаях брался восковой жгутик диаметром от 1,5 до 2 мм, который слегка прокатывался, уплощался и гнулся в одинарное колечко. В других же случаях из воска раскатывался жгутик потоньше, диаметром от 1 до 1,5 мм, из него по спирали в два оборота сворачивалось двойное колечко. Одинарное или двойное колечко посредством горячей металлической спицы припаива-

⁵² Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода... С. 156—157. Рис. 62, 13—14.

⁵³ Коновалов А. А. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X—XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 13.

лось к верхушке восковой модели бубенчика и служило ушком. На среднем уровне модели посредством той же разогретой спицы припаявался восковой жгутик-опояска. После чего в нижней половине на толщину восковой стенки прорезалась дорожка шириной от 2 до 4 мм — будущая долевая прорезь бубенчика. Затем из воска лепился конусообразный литник и тонким его кончиком припаялся чаще всего к ушку. С припаянным литником модель многократно окуналась в жидкий глинистый раствор, соответственно каждый раз высушивалась, в итоге приобретала наружную литейную форму. При этом наружная форма в нижней части модели через долевую прорезь — важнейшее обстоятельство — соединялась со стержнем, превращаясь в монолит. После высыхания такой модельный блок разогревался, воск выплавлялся, и вместо него заливался расплавленный металл, бронза. По застывании металла наружная глиняная форма разрушалась. Затем отламывался литник; на многих образцах, на ушке, хорошо видны остатки литника и место излома, которые не подвергались дальнейшей механической обработке, скажем, не заглаживались напильником. Наконец, внутреннюю глиняную форму, стержень, разрушали через долевую прорезь, делая подвижной дробицу. Весь этот трудоемкий процесс осуществлялся для выплавки всего лишь одного бубенчика. Вот почему в описываемой группе все бубенчики при их технологическом и художественном единстве обладают индивидуальными чертами, чертами живости — среди них и шаровидные, и грушеобразные, и сплюснутые, и удлиненные.

Традиция производства бубенчиков **одночастнолитых** отмечена в Новгороде редкими образцами конца XIII—первой половины XIV в. (возможно, датировка таковых нуждается в уточнении), а самое характерное время их производства — от середины до конца XIV столетия. Заметим, что именно этим пятидесятилетием датируется комплекс из десяти (!) таких бубенчиков, открытый в 2002—2003 гг. на Никитинском раскопе в древнем Плотницком конце Новгорода.⁵⁴ За пределами Новгорода того же типа бубенчики (другими авторами иначе классифицированные) прослеживаются не только в курганах Ленинградской и Псковской областей, что отмечено А. А. Коноваловым,⁵⁵ но и у прикамских финнов, причем, похоже, в более раннее время, чем в Новгороде, и не в единственном варианте художественного оформления.⁵⁶

Доказано, что во второй половине I тыс. н. э. и в первых веках II тыс. способом литья по восковой модели с последующим разрушением глиняной формы, изготавливая шумящие подвески, пользовались финно-угорские женщины, даже девочки. Позднее появились мужчины-литейщики.⁵⁷ Кто в условиях древнего Новгорода занимался литьем бубенчиков, составивших группу **одночастнолитых** 3-А, пока что можно лишь догадываться.

⁵⁴ Поветкин В. И. Инструментальные музыкальные древности... С. 83.

⁵⁵ Коновалов А. А. Цветной металл (медь и ее сплавы)... Раздел: Привески-бубенчики.

⁵⁶ Розенфельдт Р. Л. Прикамские финны... С. 129. Табл. LVIII, 9.

⁵⁷ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. С. 90—94; Голубева Л. А. Девочки-литейщики // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 31—34.

Сопоставление по-новому классифицированных новгородских бубенчиков с материалами древних городищ, курганных и прочих захоронений ведет к следующему заключению. Истоки производства представленных разновидностей **двухчастнолитых** и **одночастнолитых** бубенчиков следует искать в финно-угорских и других иноэтничных традициях, выходявших далеко за пределы Новгорода. Производство же бубенчиков **тисненых 2-А** — шаровидных, возможно, осуществлялось с преобладающим участием новгородских мастеров славянского происхождения.

Полученная в нашей классификации датировка бубенчиков, сложенных в трех основных технологических традициях, или группах, на типы и варианты, стала более детальной. Одни разновидности бубенцов попали в узкие хронологические рамки, другие, напротив, показывают свое длительное бытование. То и другое важно как исторический факт.

Предложенное типологическое деление бубенчиков — внутри каждой из трех основных технологических традиций — применимо в первую очередь к истории Новгорода и, возможно, отчасти других древнерусских городов и поселений. По мере открытий новых разновидностей бубенцов данное деление может быть дополнено и уточнено.

Колокольчики наряду с бубенцами, согласно древним письменным источникам, имели общее название — *звонцы*. В отличие от бубенцов, они снизу открыты, вместо дробины в их тулове звякает *язык*, по-вологодски — *ботало, било, билень*.⁵⁸ Материалы, способы изготовления и предназначение колокольчиков были различны. Так же отличались в разных местностях их названия.

Домашнему скоту, чтобы он не потерялся в лесу и чтобы на него не напал дикий зверь или дух болезни, к шее привешивалось *ботало*, или, как в новгородских селах поныне именуют, *колокол, колоколка, колоко́лок*, или же *балабан*.⁵⁹ По замечанию А. Н. Афанасьева, для того, чтобы волки не трогали домашней скотины, в Новгородской губернии крестьяне бегают вокруг деревень с колокольчиками, причитывая: «Около двора железный тын; чтобы через этот тын не попал ни лютый зверь, ни гад, ни злой человек!».⁶⁰

Железные клепаные ботала в Новгороде отмечены не менее чем 12 археологическими свидетельствами. О 5 боталах XII—XIV вв., выявленных на Неревском раскопе (три целых — 7-12-1142, 12-9-706, 17-15-683 и два в обломках — 12-12-1000, 18-14-669), сообщил в 1959 г. Б. А. Колчин в работе «Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого».⁶¹ Указав на одинаковость форм и размеров находок, он замечает: «Ботала подобной формы и величины в северных районах нашей страны, в том числе и в Новгородской области, дожили до настоящего времени. Размеры ботала (например, экземпляра 7-12-1142) следую-

⁵⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 119.

⁵⁹ Новгородский областной словарь. Новгород, 1992. Вып. 1. С. 26; Вып. 2. С. 88.

⁶⁰ Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1983. С. 169.

⁶¹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. С. 75—76.

щие: высота корпуса — 62 мм, длина нижней части корпуса — 62 мм, ширина се — 45 мм; длина била — язычка, подвешенного на железной петле, — 75 мм (Табл. 6, 6). Очень интересна и оригинальна технология производства ботал. Технические условия, предъявляемые к боталу, — благозвучность, крепость и легкость веса — были разрешены следующим путем. Ботало делалось из тонкого листового железа (толщиной 2 мм) и покрывалось с наружной и внутренней сторон толстым слоем меди. Швы на железном корпусе были паяные (медью), а железная петля для язычка и петля для подвешивания самого ботала вклепывались в корпус».⁶²

Другие 5 свидетельств ботал, т. е. подшейных колоколов с характерными сплюснутыми формами, обнаружены в Людином конце на Троицком раскопе в слоях XII—XIV вв. Четыре изготовлены из листового железа в описанной Колчиным технологии (Троицкий раскоп — 9-707; 1-920; +1-901; +2-490. Табл. 6, 2, 3, 5, 8). Одно отличается от прочих тем, что его наружное ушко и петля для языка расположены не поперек корпуса, а вдоль (Троицкий раскоп — 8-913. Табл. 6, 1).

Еще одно ботало, прямо-таки образцовое, было обнаружено в 1965 г. поблизости от Неревского раскопа при рытье котлована для строительства универсама (НГОМЗ, КП — 18573, №7. Табл. 6, 9). Железное, с характерными признаками клепки и сварки, оно прекрасно сохранилось, причем вместе с небольшим кожаным ошейником. Среди имеющихся ботал оно меньшее: высота его корпуса — 50 мм, продольная и поперечная величины в его основании — 42 × 29 мм. Вероятно, принадлежало мелкому домашнему скоту. Датируется в пределах XII—XIV вв. Кстати, ремешок, или ошейник, на котором висит колокол, колокольчик, может иметь собственное название: в Чудовском районе Новгородской области это — *колокольня*.⁶³

Более ранние свидетельства жестяных ботал встречаются за пределами Новгорода. Например, два образца X в. открыты в поселении Крутик в Белозерье.⁶⁴

Следует заметить, что клепаные железные пакетированные с медью ботала в средневековье нередко использовались в составе конской сбруи. Яркими примерами служат образцы из прусских воинских захоронений в Ирзекапинис.⁶⁵ Там же, кстати, обнаружены и разновидности литых бубенчиков, например, хорошо сохранившийся образец, по нашему определению, *двухчастнолитой 1-Б — округлый продольнопрорезной с одинарной ошейной*.⁶⁶

Отдельной археологической находкой может стать язык, отделившийся от клепаного или литого ботала, звонца. Правильно определить такой предмет не всегда возможно, особенно в тех случаях, когда он по-

⁶² Там же.

⁶³ Новгородский областной словарь. Вып. 4. С. 88.

⁶⁴ Голубева Л. А., Кочуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик [X—X вв.]). Петрозаводск, 1991. С. 42, 52—53. Рис 24, 5.

⁶⁵ Кулаков В. И. Прусы (V—XIII вв.). М., 1994. С. 16, 105, 122. Рис. 4; 53, 21, 24, 26; 69, 11.

⁶⁶ Там же. С. 112. Рис. 59, 2.

Таблица 6

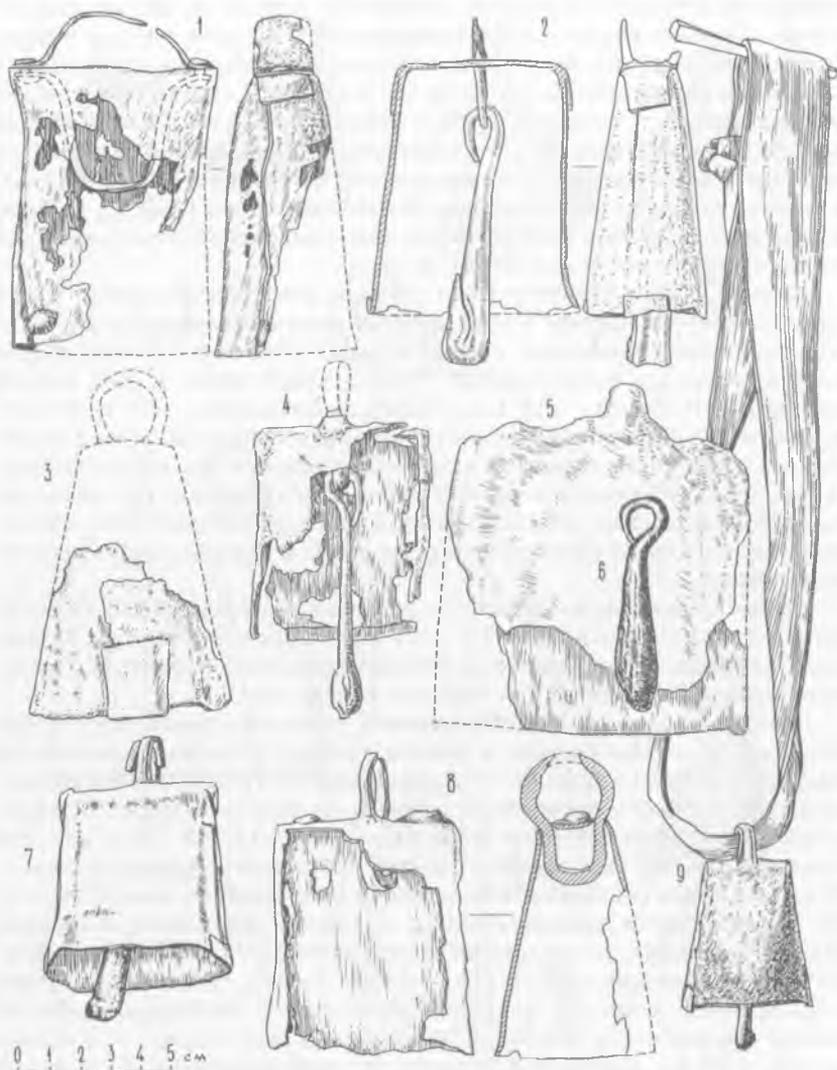

Таблица 6. Ботала-колоколки железные клепаные:

1 — Тр. — 8-913, п. п. XII в.; 2 — Тр. — 9-707, руб. XII—XIII вв.; 3 — Тр. — 1-920, в. п. XIII в.; 4 — Нер. — 12-9-706, к. XIII в.; 5 — Тр. — 1-901, п. п. XIV в.; 6 — Ф — 18-131, в. п. XII в.; 7 — Нер. — 7-12-1142, к. XIV в.; 8 — Тр. — 2-490, к. XIV в.; 9 — котл. под универмаг, пол. № 7, НГОМЗ № 18573, XII—XIV вв.

врежден. Если, к примеру, нижняя его часть утрачена, то можно подумать, что это обломок ключа или конских удил. Для трех основных разновидностей языков характерно одинаковое устройство крюка, посредством которого каждый язык привешивался к петле внутри ботала. Тонкий конец языка, будучи разогретым, проковывался и, приобретая форму крюка, прицеплялся к петле, затем окончательно гнулся и уже не мог отделиться от ботала — крюк превращался в петлю. Языки иногда ковались из довольно тонкого прямоугольного в сечении стержня и имели на ударном конце слабо выраженное утолщение. В других случаях тонкий стержень резко завершался набалдашником (Табл. 6, 4). А чаще всего обтекаемые с утолщением формы языка постепенно вырастали из заостренного кончика крюка-петли.

Именно такой, замечательный образец кованого железного языка удалось выявить недавно среди древних вещей, хранящихся в Новгородском музее-заповеднике. Он был найден в 1991 г. на Торговой стороне при раскопках возле бывшего Федоровского ручья в слое второй половины XII в. (Фед. — 18-131. Табл. 6, 6). Его длина — 70 мм. В соответствии с величиной языка и отсутствием в означенный период соразмерных с ним литых округлых в сечении звонцев он мог принадлежать, скорее всего, жестяному боталу. В поздних же традициях его характерные формы можно встретить в новгородских деревнях как у изготовленных из листового железа колоколов, так равно и у литых поддужных колокольчиков.

Литые бронзовые колокольчики, или звонцы, прослеживаются относительно равномерно в слоях XI—XIV вв. Обнаружено не менее 8 звонцев. При их описании будем по мере возможности пользоваться терминологией, разработанной для больших колоколов.⁶⁷

Два из них, со сплюснутыми туловами, плавными сводчатыми завершениями, кольцами-ушками и поврежденными коваными железными языками, найдены в древнем Людином конце на Троицком-VI и IX раскопках. Их «юбки» в поперечном сечении сравнимы с овалом. Первый, лучшей сохранности, из слоя конца XIII в. (Тр. — 12-488. Табл. 7, 6). Его общая высота — 92 мм, высота тулова от основания до «сковородки» — 70 мм, величина основания в продольном и поперечном измерениях — 58 × 39 мм, средняя толщина стенок — 1,5 мм. Петля, к которой крепился язык, бронзовая, литая. Другой звонец найден в 90 м от первого, причем также в слое конца XIII в. (Тр. — 1-916. Табл. 7, 7). Он сильно помят с боков, имеет разломы, трещины, его стенки с выпавшими кусками кое-где оплавлены — все это, вероятно, следствие пожара. Его общая высота — 72 мм, высота от основания до «сковородки» — 54 мм. Мысленно возвращая ему целый вид, примерно определяем продольную и поперечную величины его основания — 46 × 34 мм. Толщина стенок колеблется в пределах — 1,3—1,8 мм. Петля для языка бронзовая, литая.

Оба звонца весьма сходны как в общих чертах, так и в художественном оформлении. В свою очередь в одном и другом художественные

⁶⁷ Виденева А. Е. Описание колоколов Ростовского музея // Колокола и колокольни Ростова Великого. Ярославль, 1995. С. 29.

Таблица 7

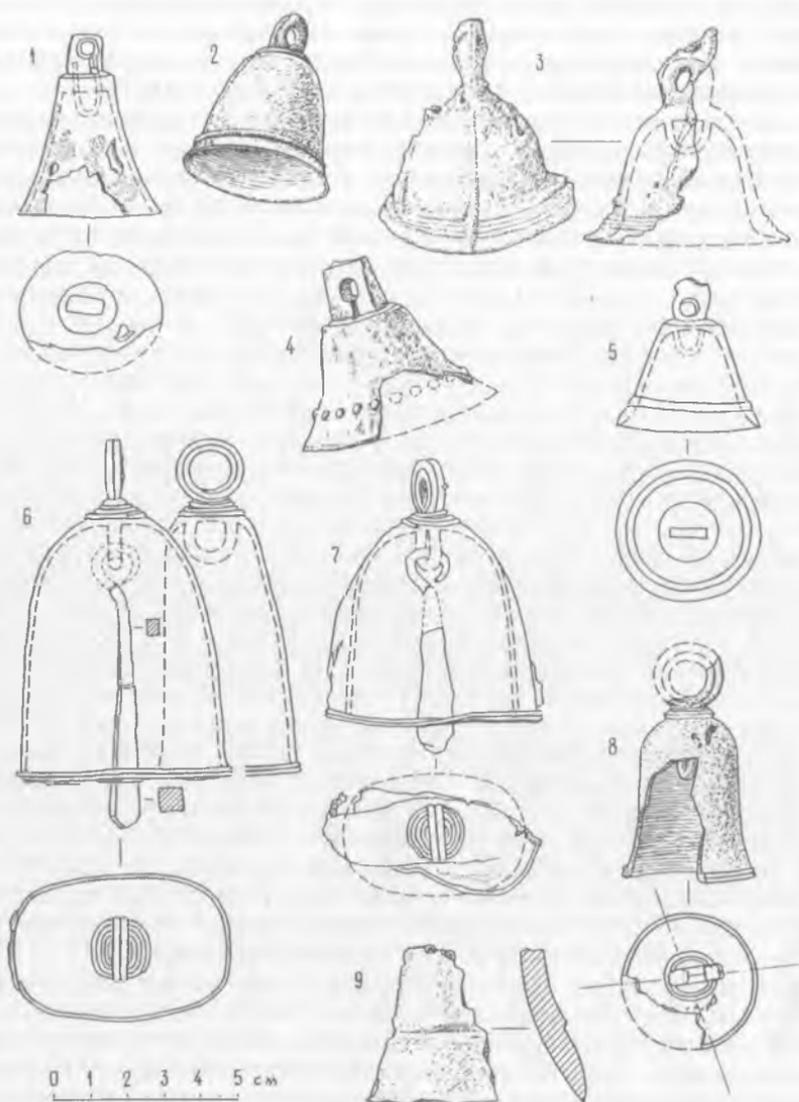

Таблица 7. Колокольчики-звонцы бронзовые литые:

1 — Тр. — 16-34, к. XI в.; 2 — Нер. — б/п., ≈ X—XIII вв.; 3 — Нер. — 21-1065, п. п. XII в.; 4 — Нер. — яр. 13, кв. 1989, с. XIII в.; 5 — Тр. — 2-1701, XIII—XIV вв.; 6 — Тр. — 12-482, к. XIII в.; 7 — Тр. — 1-916, к. XIII в.; 8 — Тр. — 2-937, к. XIII — п. п. XIV в.; 9 — Дуб. — 13-24, XIV в.

особенности обусловлены способом их производства. Таковым является способ литья по выплавляемой восковой модели с последующим разрушением глиняной формы. На данных образцах вкратце представим, каким был процесс изготовления восковой модели для отливки звонцев подобного типа. Процесс, в сущности, тот же, что при отливке бубенчиков **единочастнолитых** 3-А. Изменяются лишь некоторые детали.

Сначала из смеси глины и песка изготавливалась внутренняя временная литейная форма, так называемый стержень, или болван. В верхнюю его часть аккуратно вставлялась петля, согнутая из воскового прута диаметром 3,2 мм; к петле после отливки звонца будет привешен язык. Подсохший стержень с незначительно выступающими концами петли равномерно, слой за слоем, покрывался расплавленным воском на толщину стенок тулова — от 1,3 до 1,8 мм. На поверхности стола с помощью ровной дощечки раскатывались восковые прутики двух диаметров — 1,7 и 1,2 мм. Из пары прутиков большего диаметра спирально навивалось в два оборота кольцо, которое в итоге выглядело как собранное из четырех колец, хотя в одном месте были видны свободные концы. Чтобы их скрыть, именно означенным местом кольцо, или будущее ушко звонца, с помощью горячего металлического стержня впалялось в верхнюю часть восковой модели. Для красоты и большей прочности вокруг основания кольца-ушка по спирали навивался восковой прутик меньшего диаметра, иными словами, в верхней части тулова наращивалась округлая площадка — своеобразная «сковородка». Далее таким же восковым прутиком по спирали дважды оборачивалось основание тулова, и выглядело оно словно оформленное двойным пояском. Все это наглядно представлено на помятом звонце (Табл. 7, 7). Законченная восковая модель вместе с литниковой системой (модельный блок) покрывалась глиной (возможно, способом многократного погружения в глинистый раствор), готовилась наружная часть литейной формы, «сорочка», которая снизу монолитно объединялась с болваном. В процессе сушки из формы выплавлялся воск, оставленная им полость заполнялась расплавленной бронзой. После охлаждения образованная «сорочкой» и болваном единая глиняная форма разбивалась, из нее высвобождалась отливка. У последней обламывались литники и, заметим, не подвергались последующей опиловке. При изготовлении нового звонца технологический процесс начинался заново и во всех деталях повторялся.

Как размерами, так и сплюснутыми формами данные две находки походят на ранее рассмотренные жестяные ботала. Литые, они являют собой разновидность подшейных колокольчиков, строго говоря, не подпадающих ни под один из типов современной классификации.⁶⁸ Использовались деревянными новгородцами, вероятнее всего, в парадной конской упряжи, как *кутазы*, *кутасы*.⁶⁹ Вместе с тем изящные по форме, аккуратно выделанные, они могли найти применение в монастырском обиходе, могли бы служить и непосредственно музыкальным целям.

В родстве с означенными литыми колоколками, или кутасами, судя по сводчатым силуэтам тулова, спиральным элементам в их художест-

⁶⁸ Ганулич А. К. «Слышен звон бубенцов издалека...». М., 1990. С. 69.

⁶⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 147.

венном оформлении, а главное, по технологии производства, оказался третий звонок. Он найден в том же Людином конце буквально в 6 м от одного из вышеупомянутых двух образцов в слое, образовавшемся лет на 40 позже — в первой половине XIV столетия (Тр. — 2-937). Временем бытования он может быть сближен с предыдущими: надо учесть факт перемещений здесь грунта в XVI—XVII вв. Этот звонок, третий, меньших размеров — диаметр в основании 39 мм — и, что примечательно, его удлиненное тулово, расширяясь книзу, в сечении на всех уровнях не овальное, а круглое (Табл. 7, 8). На указанном изображении в месте повреждения тулова частично видна петля, к которой крепились утраченный язык. Петля составляет монолит бронзового звонца, отлитого по восковой модели с последующим разрушением глиняной формы.

В свою очередь к рассмотренному звонцу, плавным обводам его тулова близок звонок, обнаруженный на Неревском раскопе в 1951—1962 гг. и, к сожалению, не имеющий паспорта (Табл. 7, 2). Незвестным пока что остается и место его хранения. Судить о нем возможно лишь по фотографии. При общем внешнем сходстве с предыдущим звонцем процесс его подготовки к литью был все же иным: использовалась двухчастная форма, о чем свидетельствует вертикальный литейный шов, особенно различимый на ушке. В его художественном оформлении отсутствуют элементы спирального типа. Потому ушко не выглядит собранным из четырех колец. Круговой пояс не двойной, а одинарный, расположен не в основании тулова, а приподнят и определяет высоту «юбки». Устройство петли для языка остается неизвестным. Внешними обводами, технологией производства, а значит, и временем бытования этот звонок может быть сопоставлен со следующим образцом.

В слое первой половины XII в. на Неревском раскопе обнаружен оплавленный обломок звонца (Неревский раскоп — 21-1065). Бронза, из которой он был изготовлен, с красноватым оттенком, патина серо-бурая. Высота «юбки» обозначена тремя круговыми поясками. Толщина стенок тулова не менее 2 мм, на уровне круговых поясков, т. е. в месте ударов языка (толщина боя), она увеличивается до 4 мм. Следов «сковородки» не наблюдается. Вертикальный шов посередине обломка указывает на то, что наружная часть литейной формы состояла из двух половин. Из чего и как была изготовлена петля языка, определить нельзя. Обломок сильно деформирован. Но все же по боковому его виду можно предположить, что плавным сводчатым завершением тулова этот звонок был близок образцам, рассмотренным выше (Табл. 7, 3).

Следует обратить внимание, что звонцы со сводчатыми туловами археологически прослеживаются не только в Новгороде. Весьма схожий с ними по величине и форме звонок был обнаружен на Изборском городище в напластованиях X—XIII вв. среди вещей славян, балтов, финнов.⁷⁰

⁷⁰ *Седов В. В. Древний Изборск // Древний Псков. История. Искусство. Археология: Новые исследования. М., 1988. С. 47, 59. Рис. 13; Поветкин В. И. Гудебные сосуды древних псковичей. Часть I // Псков в российской и европейской истории. М., 2003. Т. 1. С. 231—233.*

Подобный звонец найден в числе предметов конского снаряжения при раскопках карельских грунтовых могильников XII—XIII вв.⁷¹ В общих чертах все они напоминают формы больших колоколов типа «улья», отчасти «сахарной головы». Возможным их современником был колокол, обломок которого обнаружен в 1936 или 1937 г. возле Десятинной церкви в Киеве. Т. Б. Шашкина его предположительно датирует XII—XIII вв.⁷² Но особенно такие звонцы сравнимы с колоколом, который был найден при раскопках древнерусского города Воиня в 1956—1959 гг. и датирован IX—XII вв.⁷³ Они сравнимы также с колоколом XII—XIII вв., найденным в виде обломков на городище Слободка в земле вятичей.⁷⁴

Иную разновидность представляют два маленьких приземистых звонца. Один из них без петли для языка и без самого языка обнаружен на Неревском раскопе в слое второй половины XIII в. (Неревский раскоп — 13-1989. Табл. 7, 4). Он отлит из красноватой бронзы, поверхность его серая, с серебристыми разводами, словно луженая. Диаметр его основания достигает 50 мм, толщина стенок — 1 мм. На уцелевшей части тулова выступают «пюбки», которые, выстроившись в ряд по окружности, обозначают высоту «юбки», на их уровне стенки утолщаются до 2 мм. Петля для языка была, вероятнее всего, железная; от нее в «крыше» остались два сквозных отверстия — признак того, что она была съедена ржавчиной. Технологический прием, в отличие от ранее описанного, состоял здесь в следующем. При изготовлении одноразовой литейной формы в вершину стержня вмазывалась не восковая, а железная петля с выступающими концами, которые потом прятались в восковой модели звонца. По завершении процесса литья петля оказывалась вваренной в крышу. Такой прием в колоколотейном производстве стал более употребительным.

Другой звонец, с диаметром основания 38 мм, найден на Троицком раскопе в сравнительно верхнем, но весьма перемешанном слое, в котором встречены вещи XI—XV и более поздних веков (Троицкий раскоп — 2-1701. Табл. 7, 5).⁷⁵ Высота «юбки» звонца отделена от верхней части тулова круговым пояском. Как основными внешними контурами, так и по технологии производства он сходен с предыдущим. Возникает вопрос о времени его бытования. Из-за перетолженных в этом месте слоев допускаем у рассматриваемого образца широкую датировку — XIII—XIV вв. с предпочтением раннего периода, чем и дополняем состоявшееся в 2002 г. наше первое сообщение о настоящей находке.⁷⁶

⁷¹ Седов В. В. Прибалтийские финны. Корела // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М., 1987. С. 46, 259. Табл. XI, 15.

⁷² Шашкина Т. Б. Колокола домонгольской Руси по данным археологии // ПКНО, 1995. М., 1996. С. 479—482.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Никольская Т. Н. Городище Слободка XII—XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. М., 1987. С. 142.

⁷⁵ Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Сорокин А. Н., Покровская Л. В., Степанов А. М. Археологические исследования в Людином конце Великого Новгорода (Троицкий XIII и XIV раскопы) // НИИЗ. Великий Новгород, 2002. С. 6.

⁷⁶ Поветкин В. И. Старое и новое в музыкальной археологии Северо-Запада России // Там же. С. 173—174.

Оба звонца в основных чертах словно задают формы появившимся в конце XVIII в. поддужным валдайским колокольчикам — большим по величине.

Несколько обособленно выглядит звонец, обнаруженный в 1973 г. в древнем Людином конце в слое последней четверти XI столетия (Троицкий раскоп — 16-34, табл. 2, 1). Его тулово удлинённой формы, округло-овальное в сечении и плавно расширяющееся к основанию. Формы его просты и прекрасны. У него не имеется ни «сковородки», ни круговых поясков. Общая высота — 49 мм, высота тулова от основания до крыши — 39 мм, наибольшая ширина в основании — 36 мм, в крыше — 15 мм. Толщина стенок колеблется от 1,5 до 2 мм. Толщина крыши — 4 мм. Звонец отлит из золотисто-желтой бронзы, снаружи видны следы черной патины. Часть тулова отбита, утрачен язык, а также петля, к которой он крепился. Петлей служила изогнутая железная проволока диаметром 1,5 мм. Она была сварена в процессе литья в крышу по ранее описанному способу, но со временем оказалась съеденной ржавчиной: в крыше от нее осталось отверстие, а в ушке — глубокий след. Подобные звонцы в древности составляли конский убор.

В 1977 г. в Славенском конце на Дубошине раскопе в напластованиях XIV в. был открыт комплекс медеплавильного и бронзолитейного производства. Наряду со шлаками, тиглями, льячками, литейными формами комплекс представлен слитками металла и, как предполагалось, обломками колоколов.⁷⁷ Недавнее обследование обломков на предмет их принадлежности колоколам привело к следующим результатам. Цвет бронзы всех 8 обломков желтого оттенка, но патина у каждого своя. Один обломок явно не соответствует формам колокола (Дубошин раскоп — 14-30, № 1). Другие два показывают свою принадлежность, возможно, литому котлу с толщиной стенок 4—4,5 мм и большим, не подходящим для колокола, наружным диаметром — 360 мм (Дубошин раскоп — 13-24). Точно так же маловероятна принадлежность колоколам еще трех тонкостенных обломков с большим радиусом изогнутости (Дубошин раскоп — 14-30; 13-38; 12-19). Колоколу при предполагаемом диаметре его тулова 320 мм мог бы принадлежать, хотя и это сомнительно, небольшой обломок толщиной 8 мм (Дубошин раскоп — транш. № 130). *Бесспорное же свидетельство колокола — это обломок части тулова и «юбки»* (Дуб. — 13-24. Табл. 7, 9). На уровне соединения верхней и нижней частей колокола, т. е. в «поясе», или месте удара языка о тулово, толщина колеблется от 6 до 7 мм. Значит, в верхней части тулова толщина стенок была меньшей. Судя по изогнутости обломка, диаметр колокола в основании достигал 140 мм, отсюда примерно такой же или несколько меньшей могла быть общая высота тулова, «вышина».

Что можно сказать об этом комплексе находок? Наличие в нем одного или, допустим, двух обломков колоколов не удостоверяет их местного производства. Выявленный на Дубошине раскопе комплекс бронзо-

⁷⁷ Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгородa 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгородa. М., 1982. С. 47.

вых слитков и, заметим, обломков самых разных предметов, а среди них одного или двух колоколов, скорее можно представлять как запас сырья для какого-то литейного производства. Из-за отсутствия собственных залежей медных руд древние новгородцы покупали сырье в виде проволоки, слитков, обрезков, осколков или просто устаревших вещей в Западной Европе.⁷⁸ Значит, и колокола, мелкие обломки которых удалось выявить, не обязательно были отлиты в Новгороде. Они могли быть изготовлены за рубежом, а отслужив свой срок, отдельными кусками попали в распоряжение ганзейского гостя. Данному рассуждению вторит и то обстоятельство, что на раскопанном участке боярской усадьбы действительно найдено немало привозных вещей.⁷⁹

Впервые среди древностей Новгорода выявлено *свидетельство звонца не металлургического, а изготовленного из глины с последующим обжигом*. В Новгородском музее интересующий предмет числился как обломок литейной формы для колокольчика (НГМ, А 65-12, А-17. Табл. 8, 1). Он был случайно найден на территории Антоньева монастыря. Его цвет, как наружный, так и на изломах, темно-дымчатый с бурым отливом. Глиняное тесто измельченное, тягучее, поэтому поверхность изделия гладкая, лощеная. Украшением являлся пояс из тонких вертикальных выемчатых полосок. Тулово звонца было в виде усеченного конуса высотой не менее 80 мм, значит, высота с ушком была не менее 110 мм, диаметр крышки — 62 мм, соответственно диаметр нижнего края достигал не менее 100 мм. Средняя толщина стенок тулова — 5,5 мм, крышки — 12 мм. Форма ушка образована двумя слепленными между собой вершинами рожков, расположенных в центре крышки. По одну сторону от ушка уцелело отверстие, проходящее сквозь крышу внутрь тулова, по другую сторону такое отверстие уцелело частично. Посредством отверстий на ремешке крепился язык, в качестве которого мог быть использован глиняный с отверстием шарик. Но убедительных свидетельств такого среди новгородских древностей пока что не выявлено. Другой вариант языка — это глиняный стержень с ушком на конце. Два таких языка, один из которых целый, обнаружены в Суздале в слоях XIV и XVII вв.⁸⁰ Кроме того, в Суздале и Владимире найдены обломки 17 игрушечных глиняных колокольчиков, большинство XIV—XV вв.⁸¹ У них в крыше имеется одно, а чаще два сквозных отверстия для крепления языка, что, по сути, схоже с новгородским звонцем.

И все-таки величиной, конструкцией, а отчасти и украшениями в виде поясов из продолговатых насечек новгородская находка гораздо более сопоставима с глиняными колокольчиками, открытыми в Торжке. П. Д. Малыгин и О. М. Олейников любезно предоставили материалы о

⁷⁸ Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978. С. 68—73.

⁷⁹ Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет. С. 47; Рыбина Е. А. Западно-европейские находки XIII—XIV вв. из раскопок в Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 88—89.

⁸⁰ Глиняные игрушки XIV—XVIII вв. из археологических коллекций ВСМЗ: Каталог / Авт.-сост. Н. В. Нестерова. Владимир, 2002. С. 36—37.

⁸¹ Там же. С. 35—38.

4 таких свидетельствах, одно особенно впечатляет (Торжок, Клим., кв. 37, гл. 193, №71. Табл. 8, 2).⁸² По-видимому, не случайно в Торжке, как в Суздале и Владимире, глиняные колокольчики отмечаются именно в XIV—XV столетиях. Все это позволяет надеяться, что тогда же был изготовлен и новгородский звонец.

По мере накопления сведений о данном типе звучащих приспособлений будет решаться вопрос об их использовании в быту древних новгородцев. На данный же момент возможна одна догадка, учитывающая факт обнаружения обломка глиняного звонца именно на территории древнего монастыря. В монастырском обиходе издавна использовались сигнальные ударные приспособления. Среди них, согласно письменным документам XVI—XVII вв., упоминается *кандея*, или *кандия*. Это металлический сосуд в виде чаши на ножке с поддоном, употребляемый как колокольчик; в него звонили, например, в Великий день на обедне.⁸³ В XIX столетии В. И. Даль прямо сообщал, что кандия в церковном быту — это колокольчик. Н. И. Оловянишников, исследуя историю колоколов, приводит такие факты: «Мы знаем, — говорит Жан Гулен в своем переводе «Rational» Дюрана, — что в церквях имеется пять родов колоколов: бубенчики, звонки, перезвоны двух размеров и собственно колокола. Колокол звонит в церкви, колокола меньшего размера в трапезной, звонок в монастыре и т. д.». ⁸⁴ Вот почему, ничто, кажется, не мешает представить в XIV—XV вв. глиняный звонец не как игрушку, а как серьезный сигнальный инструмент, принадлежавший кому-то из обитателей Антоньева монастыря.

Зримо запечатлен случай из монастырской жизни XII в. в новгородской берестяной грамоте № 605. Не вдаваясь в полное содержание грамоты, заметим лишь, что в ней раньше, чем в других русских источниках, сообщается о *звонах*. В послании одного монаха к другому говорится: «А пришьла есве оли *звонили*» — «А пришли (т. е. вернулись) с ним, когда звонили». ⁸⁵ Неясным остается, к чему звонили, а главное — во что. Возможно, в церковные колокола, возможно, в малое или большое железное било, в серебряное блюдо, бронзовую кандию. Или, быть может, пусть и с меньшей вероятностью, в глиняный звонец?

Итак, собраны сведения о бытовавших в древнем Новгороде бубенчиках, колокольчиках и состоящих с ними в конструктивном родстве других приспособлений. Подсчитано количество таких находок за период археологических исследований с 1932 по 2002 г. включительно. Приняты на учет новые категории звучащих приспособлений в виде их комплексов или отдельных деталей: железный язык колоколки, глина-

⁸² Коллекционные описи Новоторжской археологической экспедиции: Т-94, Климентовский раскоп, кв. 37, гл. 193, № 71; кв. 11, гл. 198, № 62; Т-97, Спасский раскоп, траншея 1, мешаный слой; траншея 1-3-4, 13. Руководители раскопок — П. Д. Малыгин, О. М. Олейников.

⁸³ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 53.

⁸⁴ Оловянишников Н. И. История колоколов и колоколотейное искусство. М., 2003. С. 40.

⁸⁵ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977—1983 годов. М., 1986. С. 68—70.

Таблица 8

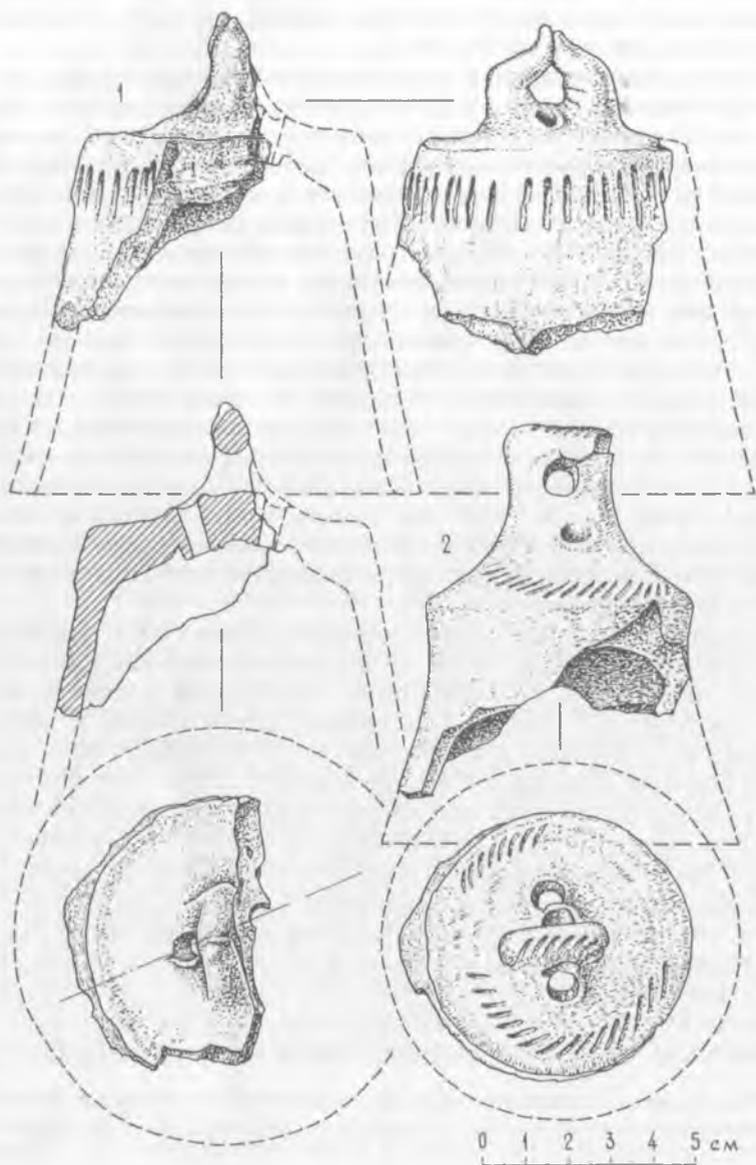
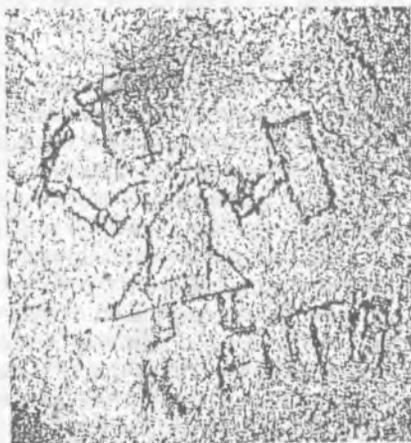

Таблица 8. Звонцы глиняные лепные:

1 — Новгород, А-17, НГМ КП/А65-12, ≈ XIV—XV вв.; 2 — Торжок, Клим., кв. 37, гл. 193, № 71, XIV—XV вв.

Таблица 9

0 1 2 3 4 5 см

Таблица 9. Пономарь с бильцем. Новгород, граффити, XV в.

ный колокольчик, группа бытовых вещей, оформленных звончатыми железными привесками — колечками, баранчиками. Все это способствовало расширению типологического ряда древнего новгородского сигнального и музыкального инструментария, а в целом — мира искусственных звуков, бравшего свое начало от простейших звукопроизводящих приспособлений. Выявлены ранее не отмечавшиеся технологические приемы в литейном производстве колокольчиков, а также бубенцов, что привело к новому варианту разделения последних на типы — внутри каждой из трех основных технологических традиций. Соответственно определены периоды использования, а отчасти и предназначение бубенцов в обиходе древних новгородцев. Наконец, стало очевидным то, что в XIII—XIV вв. в Новгороде по единой литейной технологии и с использованием одинаковых художественных приемов изготавливались и полые шумящие подвески, и бубенчики цельнолитые (З-А), и ботала-звонцы двух разновидностей — овальные в сечении и круглые. Факт, достойный специального изучения.